

Александр Степанович Грин

Ветка омелы

Александр Степанович Грин

Ветка омелы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=271742

Аннотация

Борьба человека со своим алкоголизмом – «одна из самых ужасных битв на земле»...

И один из лучших реалистических рассказов Грина.

Александр Степанович Грин Ветка омелы

Н. В. Крутикову¹

Многие прочтут и перечитают эти страницы, в которых описывается одна из самых ужасных битв на земле.

Речь идет о Фингасе Тергенсе, помощнике начальника конторы автобусного сообщения между Гертоном и Тахенбаком. В одно памятное утро, после безобразной бессонной ночи, горького расстройствa жены и собственного не менее горького раскаянья, Тергенс дал Катрионе слово «не пить», – то есть обещание, равное для мужчины, привыкшего к возбуждению алкоголем, примерно тому, как если бы горный козел отказался перепрыгивать пропасти. Дал Тергенс такое обещание не по отношению к какому-нибудь одному виду напитка, и не на ограниченный срок – месяц, год, два года, – а на всю жизнь, обещание никогда не пить ничего спиртного, что бы оно ни представляло собой. Оценить смелое решение выполнить такой подвиг смогут только те, кто пьет, сам дает обещания и убеждается в бессилии своем сдержать их.

За семь лет Тергенс пять раз клятвенно обещался жене бросить пить с того самого момента, когда эти пламенные обещания слетали с его уст, доставляя отчаявшейся жен-

щине весьма краткое утешение, потому что не прошло трех дней, как Тергенс являлся подвыпившим, браня жену за жестокое отношение к «потребностям мужчины», который, чтобы быть мужчиной вполне, должен курить, пить и играть. Все те обещания Тергенс давал наполовину искренно, наполовину с целью избежать слез и упреков. Поэтому-то он так легко их нарушал, втайне надеясь, что Катриона когда-нибудь примирится с его привычками сидеть вечером в «Ветке омелы». Наконец страстное негодование жены, собственные мысли о ней, так горячо любимой и так мало получающей действительного отдыха среди беспросветных своих забот о попивающем муже, заставило Тергенса решиться – внутри себя – дать обещание не только вслух, но и самому себе. Его решение утвердилось в момент, когда уже под утро все время не спавшая Катриона ответила на его обещание – «не плачь, пожалуйста, я пить больше не буду» – гневным возгласом:

– Ты опять врешь! Сколько раз ты обещал?! Уж лучше молчи. Так горько, так неприятно теперь слышать мне эту твою ложь. Ты только и думаешь, что о своих удовольствиях.

– Так ли уж ты-то безгрешна? – угрюмо заметил Тергенс, сознавая, что говорит чепуху; он никогда не видел ничего худого от Катрионы. – Подумай о своих недостатках.

– У меня нет недостатков, – горько плакала молодая женщина, всхлипывая и сморкаясь; и Тергенс внимательно посмотрел на нее, тронутый этой простотой так, что улыбнулся. – Какие у меня грехи? Скажи, чем я грешна?

– Чем?! Найдется, если подумать... я не говорю что-нибудь особенное.

– Тогда говори.

– Не хочу говорить, не хочу расстраивать тебя еще больше.

– Начал, так говори! Какие у меня грехи? ну?!

– Значит, ты безгрешна?

– Безгрешна, – упрямо и жалобно повторила Катриона, рыдая в подушку. – Я ничем не грешна.

«Да, она имеет право сказать так», – думал Тергенс, с нежностью смотря на жену и, как ни тяжело было ему, забавляясь ее ответами. Катриона всегда старалась облегчить ему жизнь, матерински заботилась о нем и делалась мрачной, только когда он пил. Если же Тергенс был трезв, Катриона веселела, оживлялась, но вечный страх снова увидеть пьяного мужа часто заставлял ее горько задумываться.

С своей стороны, Тергенс припомнил все ссоры с женой из-за вина, подавленность и раздражительность после выпивки, напрасные траты денег и, первый раз в жизни, серьезно захотел расстаться с бутылкой. Правда, он любил возбуждение, доставляемое алкоголем, но если в молодые годы это возбуждение таило прелести страны грез, волшебного превращения будней в заманчивое странствие среди вещей и людей, с как бы заново открывающимся значением событий, то к сорока годам слиняло и возбуждение. Привычка пить приспособила его разум оценивать окружающее почти трез-

во даже при больших дозах водки; будучи крепко пьян, мысленно Тергенс был трезв, отчего часто скучал. Поэтому ничего, кроме вреда, болезней и разлада семейной жизни, не предстояло ему в дальнейшем; следовало ему бороться теперь уже не с психической, а с физиологической потребностью пить. Он захотел отплатить Катрионе за ее преданность так, как она больше всего желала, и дал наконец знаменитое обещание, но без клятв, без падения на колени, а зная, что решение твердо, просто повторял:

– Катриона, перестань плакать. Я пить больше не буду.

Молодая женщина немного стихла; что-то новое послышалось ей в этих сумрачных словах мужа. Подумав, она опять принялась плакать.

– Ах! Что говорить! – сказала Катриона. – Уж это который раз ты обещаешь. Ты опять врешь.

Тергенс знал, что не лжет, но его жена, искушенная горьким опытом, знать этого не могла. Все-таки на душе у него стало спокойно. Он повторил:

– Пить больше не буду. Никогда я не говорил так серьезно, как этот раз. Что тебе еще?

– Как же я могу верить?

– Поверишь. Я раньше давал тебе ненастоящие обещания. Сегодня говорю правду. Теперь не только ты хочешь, чтобы я не пил. Я сам не хочу пить. Я предпочитаю мирную, хорошую жизнь. А ты мне помоги доверием, то есть не говори, что не веришь.

Утро занялось пасмурное, с резким ветром, под стать состоянию Тергенса. Катриона оделась, начав делать свои дела с завязанной головой, – у нее всегда сильно болела после таких историй голова, – а Тергенс, мучаясь похмельем, на службу не пошел, однако вышел проветриться и, так как трактиры были уже открыты, решил доказать сам себе твердость своего решения. Против одного маленького трактирчика с увитым зеленью входом, куда раньше заходил только случайно, Тергенс остановился и начал убеждать себя в том, что небольшой стакан водки бессилён изменить его решение; такая доза была бы действительно полезна ему теперь, пока его организм так беспокойно, тяжело боролся с отравленностью. Однако он знал коварную силу «старых дрожжей» и боялся вновь охмелеть. Пока Тергенс размышлял, кто-то хлопнул его по плечу.

Оглянувшись, он увидел своего приятеля Стива Говарда, счетовода железнодорожного управления.

– Войдем, – сказал Говард. – Вид у вас совершенно больной. Я тоже хочу принять капли. Вчера пересидел у Фальберга, а может быть, перепил. А вы где хватили?

– Случайно я попал в «Ветку омелы», – ответил Тергенс. – Да у вас рука дрожит.

– У вас тоже трясется.

– Я не пью, – сказал Тергенс с неловким чувством выходки, рассчитанной на простофилю.

– Чего не пьете?

– Ничего. Сегодня я дал жене слово не пить.

– Хе-хе!.. Бедняга. Я тоже дал вчера слово не пить. Не только жене, но сестре, теще и дочери. Иначе эту публику невозможно успокоить. Они нас понять не могут.

– Это дело другого рода, Говард, – вздохнул Тергенс, вспоминая, как плакала Катриона. – Я решил не пить и обещал совершенно серьезно никогда не брать в рот проклятого виски.

– Да? Так не одно виски может утешить вас. Выпейте грог.

– Я сказал, что не буду пить ничего.

– Да ну?! Как же вы это так... неосторожно?!

– Что делать? Пришла, видно, пора кончить с бутылкой.

Но и то сказать, выпито было за всю жизнь слишком достаточно. Надо наконец подумать о ней.

Говард недоверчиво всматривался в приятеля и по задумчивости его, которая передавала без слов что-то действительно важное, увидел свою ошибку. Тергенс не шутил.

– Однако... – сказал Говард. – Ну, если так, я рад. А я выпью. Тут дают копченый язык с горчичным соусом. Зачем вы тут стоите в таком случае? Прощальное платоническое свидание?

– Я хотел пропустить стаканчик, – произнес Тергенс. – Хотел и не хотел; пока что мне трудно понять себя. Я даже хотел зайти. Я зайду, – вдруг решил он, – и посижу с вами, но пить не буду.

Говард сострадательно усмехнулся, думая, что наступил

естественный конец обетам приятеля; он не стал его раздражать соответствующими шутками, говоря себе: «Как сядет, так нальет. Как нальет, так выпьет. А когда выпьет, мы с ним переберемся в „Ветку омелы“».

Говард был страшно удивлен, когда Тергенс, заказав малый стакан виски, вылил водку себе на руки, вымыл их драгоценной специей, вытер платком и с довольным видом заплатил озадаченному слуге.

Такое действие «вокруг водки» отчасти заменило ему лечение. Оставив Говарда размышлять над своим поступком, Тергенс дошел до конца улицы, где на склоне холма находилось Гертонское кладбище. Одна историческая могила притягивала его расстроенную душу. Тергенс остановился у старого камня, глубоко всосанного землей; сама могила от древности превратилась в грубый бугор, но гертонцы берегли ее, не давая перекопать, так как гений своего рода истлел под этим памятником. Лет сорок назад высеченная надпись гласила:

«Здесь лежит Гаральд О'Коннор. Он прожил 135 лет и всю жизнь пил. Он пил весной и летом, осенью и зимой, каждый день, и в пьяном виде был так страшен, что сама смерть боялась его. Однажды, по ошибке, он был трезв; тогда смерть осмелилась и умчала О'Коннора».

«Однажды по ошибке был трезв, – думал Тергенс, разглядывая эту смешную и ужасную надпись, говорящую о неимо-

верном количестве литров виски, рома и пива. – Не по ошибке ли трезв сегодня и я? Да... но О'Коннор не хотел бросать пить. Он ошибся. А я ошибся бы, если бы выпил опять. Тут разница».

Солнце разогнало облака, и ветка старого клена, под тенью которого лежал камень, бросала на его поверхность чистую тень листьев, не знающую смут и страстей. У подножия памятника рос дикий розмарин; летали мухи и пчелы. Тергенс посмотрел на свои руки, покрытые налившимися, вздутыми венами, ушел домой, съел две тарелки горячего супа и лег спать.

Следующие семь дней прошли спокойно. Пока алкоголь еще не окончательно испарился из тела Тергенса, он сдерживал свое обещание без труда, доставляя этим бесконечную радость начавшей отдыхать жене; но как только последний атом спирта оставил Тергенса, – очищенные, обозлившиеся нервы потребовали привычного возбуждения. Напрасно он сосал какие-то лекарственные лепешки, утешался крепким чаем и кофе, – нервы твердили одно: «Подавай виски!» Особенно остро злостная потребность в вине сказывалась, когда он хотел есть; тогда, казалось, дух захватило бы от блаженства глотнуть персиковой или перцовки. В таких случаях Тергенс старался скорее наесться и непременно вначале крепким, горячим супом, который обладал свойством временно обмануть нервы, делая в желудке горячо, как от водки. Вообще заметил он, что при всяком сильном желании

выпить немедленная еда устраняет это желание, и приучил себя есть как можно больше, чтобы желудок никогда не оставался пустым.

Иногда, проходя мимо «Ветки омелы», Тергенс испытывал мучительно вкусное сосание во внутренностях, особенно если из раскрытых дверей доносились звуки стекла, но, вздохнув, начинал думать о горе и слезах женщины, которая глубоко поверила наконец его обещанию.

Через месяц Тергенс уже перестал думать о выпивке. Это произошло оттого, что он физически забыл услады страсти к питью. Однажды осенью, поздно вечером, вернулся он домой, страшно уставший после сдачи годового отчета; вошел в столовую и с удивлением увидел тщательно накрытый стол, коробку рыбных консервов, копченый язык, прибор и стакан голубого стекла, боясь верить, что последний, самый главный, предмет сервировки есть бутылка виски, уже откупоренная. Катриона радушно поцеловала Тергенса, говоря:

– Ты, должно быть, очень устал, милый. В таких случаях можно немного выпить. Рюмка не беда. Не сердись. Пусть это будет последний раз.

Как в памятную ночь обещания Катриона почувствовала, что Тергенс не лжет, так Тергенс теперь почувствовал, что Катриона решительно и мужественно испытывает его. Стало ему забавно и хорошо.

– Да, я выпью, пожалуй, – рассеянно сказал Тергенс. – Это ты хорошо придумала.

Твердой рукой налил он полный стакан, взглянув на начинающую бледнеть Катриону, поднес стакан к губам и, засмеявшись, бросил его в угол, облив водкой рукав пиджака.

– Теперь уже нет соблазна, – сказал Тергенс. – Нет, честное слово, нет. Пусть будет иногда скучно, вяло; даже пусть будет трудно жить и работать; пусть хочется подчас трактирной романтики; но пусть будет чисто. Я видел на кладбище ветку клена над могилой дедушки О'Коннора. Наступил ее черед расти.

12 апреля 1929 г. Москва